

Савватий В. Смирнов (Таллин, СССР)

ПЕТР ИВАНОВИЧ ПРЕЙС

(К 150-летию начала преподавания славяноведения в университетах России и СССР)

Петр Иванович Пре́йс был одним из первых ученых, стоявших у истоков русского университетского славяноведения. Академик В. И. Ламанский, оценивая его научные заслуги, писал: „В истории славяноведения по времени и по ученой подготовке, по дарованиям и по заслугам Пре́йс стоит непосредственно за Добровским, Востоковым, Копитаром и Шафариком. В России и вообще в славянстве он является первым по времени крупным ученым в области сравнительного языкознания и первым критиком Бопповой грамматики. В России и вообще в славянстве он был и первым ученым знатоком литовского языка. Он же в России является и первым отличным исследователем славянских древностей. Уже в 1843 году ему ясны были разные недочеты, пробелы и недостатки знаменитого труда Шафарика „Славянские древности“¹. Небольшие статьи его о ц.-сл. языке, о среднеболгарском наречии, о глаголической письменности, об эпической поэзии у сербов и проч., явившиеся с полвека тому назад, и теперь должны быть рекомендованы всем начинающим славистам, как работы образцовые. В этом отношении они разделяют редкую честь в славяноведении, заодно с разными статьями и исследованиями Добровского, с рассуждениями и наблюдениями Востокова“¹.

Пре́йс родился в 1810 году в Пскове в семье учителя музыки, чеха по национальности. О его детских и гимназических годах никаких сведений не сохранилось. В 1824 г. он поступил в Петербургский университет своекоштным студентом. В ноябре 1827 г. попечитель учебного округа обратился по указанию царя в Совет университета с предложением избрать из числа студентов шесть человек, которые могли бы преподавать русский язык и словесность в Рижской и Ревельской губернских гимназиях. Прошение подали десять человек, в том числе Пре́йс, который из-за смерти отца оказался в трудном материальном положении. Четверо из них сразу получили отказ, так как не знали немецкого языка. Для остальных было произведено испытание, из которого выяснилось, что Пре́йс знает русский язык хорошо, русскую словесность — хорошо, немецкий язык — достаточно. На основе этого он (за полгода до выпускных экзаменов) был определен младшим учителем в Дерптскую гимназию. 10 октября 1837 г. его перевели на должность старшего учителя.

Десятилетнее пребывание в Дерпте (Тарту) не пропало для Пре́йса даром. Он основательно познакомился с древнерусским, церковнославян-

¹ „Живая старина“, 1890, вып. I, с. 108.

ским, чешским, польским, сербским языками, литературой и историей. Изучение трудов Добровского, Копитара, Востокова, Гримма ввело в круг проблем сравнительного языкознания. Кроме непосредственного пополнения знаний, Прейс готовился к самостоятельным исследованиям. Правда, опубликовать ему удалось довольно мало. Это „Книги, изданные на немецком языке, по славянской истории и древностям“ (ЖМНП, 1839, ч. XXI, XXIII), а также переводы статьи Шафарика „Изображение Чернобога в Бамберге“ (ЖМНП, 1838, ч. XVIII) и „О волохах Нестора“ из „Славянских древностей“ (ЖМНП, 1837, ч. XIV). Заинтересовавшись заимствованиями, Прейс собрал большой материал по иностранным словам в русском языке и славянским заимствованиям в эстонском, венгерском, карельском, мордовском, коми и литовском языках.

Сравнивая родственные языки друг с другом, Прейс подчеркивает важность изучения не только их общих черт, но и различий. Он пишет: „Таким образом при этом сличении не тождество, но разность, особенность были главнейшим предметом изучения. Постепенные переходы и изменения, которым язык подвергается в продолжение времени, никогда не бывают повсеместны, никогда вполне не изменяют первобытного его состава: в новом его состоянии всегда остается многое древнее, до которого время не касается. На основании этого некоторые отдельные случаи в новейших диалектах суть исключения, между тем как в ц. сл. они составляют правило. То же самое представляет и грамматическое сличение язык. слав. с родственными: то, что в славянских наречиях представляется явлениями, не имеющими видимой связи и причины в настоящем организме языка, то самое находим в родственных языках в виде закона, правила, вполне развитого“². Эта мысль об изучении языковых различий в сравнительно-исторических исследованиях была высказана Прейсом одним из первых.

В эти же годы Прейс начал писать большую работу „Мысли о языке, его происхождении и познании“, оставшуюся незаконченной. В ней дается обзор всех основных теорий происхождения языка. Но главный интерес представляет заключительная часть рукописи, в которой автор выступает против априоризма логической грамматики. Он пишет: „Весьма уважаемые философы ошибаются, стараясь воспроизвести язык а priori. В исследованиях лингвистических прежде всего должно обратить внимание на звук, а потом уже на мысль, понятие, выражаемое звуком. Исследования а priori имеют тот важный, существенный недостаток, что они основываются большею частью на произволе какой-нибудь философической головы. Вместо того, чтобы рассматривать явления языка как явление, вместо того, чтобы проследивать связь с другими явлениями, вместо того, чтобы отыскивать после этого причины явления, вместо всего этого философические системодельцы, взяв мысль за основание, предписывают грамматике, как она должна вести себя, предсказывают, какие продукты произойдут вследствие той или другой мысли: к счастью, подобные предсказания обыкновенно не сбываются, притом теперь прошла пора безотчетного в них верования. Язык, построенный а priori, никогда не будет произведением языка целого колена народов, но будет произведением одного человека. Только самолюбие философических лингвистов могло породить бездну нелепостей, которые должны были произойти при основной их мысли: их, де, произвольные теории имеют такую необходимость, что историческое исследование должно ниц пасть пред ним. Между тем как с подобными теориями выходит совершенно

² Письма П. И. Прейса к М. С. Куторге, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарыку, Куршату и друг. (1836—1846). — „Живая старина“, 1890, вып. 2, 119—120.

противное: они не выдерживают проверки, делаемой критической историей языка. Каждый язык был и остается произведением и общим достоянием миллионов, которые, сами того не сознавая, глядели далее, нежели подобные философы, которые позволяют себе вымышлять законы языка, вместо того, чтобы отыскивать их в нем, изучать их и развивать. Из этого следует, что изучение языков тогда только будет успешно, тогда только будет приносить настоящие плоды, когда изучающий оснует свое исследование на эмпирии, когда собирает аналогичные явления в одно целое, покажет их общий источник³. Все это писалось еще в то время, когда логико-грамматические и сравнительно-исторические начала довольно мирно уживались друг с другом, когда не была опубликована работа В. Гумбольдта „О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода“.

По уставу 1835 года в четырех русских университетах (Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском) были открыты кафедры истории и литературы славянских наречий. Поскольку в России тогда еще не было достаточно подготовленных кадров славистов, то министерство народного просвещения решило направить способных молодых людей на два года в славянские земли для подготовки к профессорскому званию. Когда этот вопрос обсуждался в Петербургском университете, то профессора историко-филологического факультета Устрялов, Куторга, Порошин и юрист Калмыков, хорошо знавшие Прейса и высоко ценившие его способности, рекомендовали его кандидатуру. В связи с этим Прейс обратился к попечителю Петербургского учебного округа с просьбой предоставить ему возможность заняться любимым делом — изучением литературы и древностей славянских народов. Однако для посылаемых за границу было поставлено одно обязательное условие: иметь по крайней мере степень магистра. По предписанию министра народного просвещения Прейс был уволен с должности старшего учителя и причислен к Петербургскому университету с тем, чтобы по истечении года он выдержал магистерские экзамены.

Однако после приезда Прейса в Петербург летом 1838 года выяснилось, что он должен сначала держать экзамен на звание кандидата, без которого нельзя было приобрести ученую степень магистра, а для этого надо было сдавать все предметы историко-филологического факультета. В таких сложных обстоятельствах Прейс подал попечителю прошение следующего содержания (приводим его полностью, поскольку оно содержит важные биографические сведения): „Ваше сиятельство, милостивый государь! В письме от 19-го февраля сего года из Дерпта осмелился я обратиться с почтеннейшею просьбою к Вашему сиятельству о доставлении мне счастья быть на том поприще, которое любимым моим занятиям дало бы основание прочное и направление положительное. Непременное условие, которое правительство требовало от посылаемого за границу для изучения славянских языков, было то, чтобы избранный для сей цели имел степень по крайней мере магистра. Мне, не имеющему никакой степени, представлялись две возможности, или по возвращении из-за границы выдержать экзамен и магистерский и докторский, или еще до отправления в славянские земли приобрести степень магистра. В последнем случае на приготовление испрашивал я годового срока, в продолжение которого надеялся выполнить требование правительства. Тем тверже я был в этой надежде, что, приготавливаясь к экзамену на степень магистра российской и славянской словесности, я в это время исключительно занимался бы только своим предметом.

³ Архив АН СССР, ф. 106, оп. I, ед. хр. 145, лл. 15—16.

И какие отличные виды представляло мне пребывание в Петербурге! Руководство А. Х. Востокова, посевшего в изучении славянских языков, беседы с другими знатоками этого предмета, из которых некоторые сами были в землях славянских, возможность пользоваться сокровищами библиотек, находящимися в сей столице, и наконец многочисленные случаи к практическому изучению языка польского, коего и древнейшие, литературные и исторические памятники, могли мне быть доступны. — Таким образом я утешал себя основательною надеждою, что познания мои в языках церковнославянском, древнерусском с его различными изменениями и польском будут значительно дополнены, так что за границею мне бы оставалось исключительное изучение прочих диалектов.

На прошение последовало предписание его высокопревосходительства г. министра народного просвещения, сообщенное мне г. попечителем Дерптского учебного округа чрез дерптского директора училищ. На основании сего предписания, по причислении к С.-Петербургскому университету, был я уволен от должности старшего учителя российской словесности при Дерптской гимназии и получил приказание отправиться в С.-Петербург с тем, чтобы по истечении года я выдержал экзамен на степень магистра и кандидата.

Обстоятельства семейные за десять лет пред сим заставили меня оставить С.-Петербургский университет в то время, когда мне до окончательного экзамена оставалось только полгода, и отправиться в Дерпт — по высочайшему повелению — на место учителя в тамошней гимназии. Здесь-то занятие литературою и древностями славянских народов, бывшее еще в Петербургском университете любимым моим предметом, сделалось исключительным специальным занятием. Весь досуг, хотя и умеренный, после трудов службы, был посвящен на удовлетворение страсти моей к изучению славянских языков. С многими жертвами сопряженное изучение церковнославянского, древнерусского, богемского, польского, сербского, русинского, их литературы и истории, равно как и сравнительного языкознания, было содержанием моей деятельности, постоянной и исключительной.

По изложении сих обстоятельств долгом своим почитаю объяснить Вашему сиятельству, что непремное условие держать экзамен на степень кандидата сопряжено для меня со многими затруднениями. Десятилетняя служба и занятие одним предметом поставили меня к большей части факультетских наук в отношении довольно отдаленные, как это обыкновенно бывает со всеми, которые постоянно занимаются одним специальным предметом. Между тем как решением его высокопревосходительства г. министра народного просвещения я должен буду соединить две обязанности — ученика, подготавливающегося к экзамену, и вместе обязанность ученого, на душе которого лежит наука. Приготовление к экзамену на степень кандидата займет почти все время, которое бы мне следовало употребить на занятие моим главным предметом. — Таким образом ожидания правительства, при всех средствах, которые оно мне открывает, в отношении к успехам моим в изучении славянских языков, не могут быть исполнены в той мере, в какой оно их вправе от меня требовать. Затруднения увеличиваются тем еще более, что в то же самое время мне предстоит выдержать экзамен на степень магистра, написать и защитить диссертацию.

Высоко ценя благоденствие правительства и вместе желая оправдать ожидания оною, я почитаю долгом своим по совести и откровенно сказать, что только с освобождением меня от экзамена на степень кандидата вижу возможность удовлетворить требованиям начальства. В противном слу-

чае я должен буду лишиться деятельности в области той науки, которая издавна составляла любимый предмет моих занятий⁴.

После подачи прошения вопрос о приобретении ученых степеней был отложен до возвращения из-за границы. Теперь под руководством А. Х. Востокова главным предметом занятий Прейса стал церковнославянский язык и его взаимодействие с другими славянскими языками. Он много занимался изучением древних памятников; особенно хроник Манассия и Георгия Амартола, эпических и лирических песен у разных славянских народов, а также ознакомился с новейшими работами по сравнительному языкознанию. Востоков высоко оценил успехи своего ученика. В письме попечителю учебного округа он писал: „Об успехах занятий г. Прейса я могу засвидетельствовать, что при поручении Вашим сиятельством в июле прошлого 1838 года сего молодого человека моему руководству, я нашел его весьма хорошо уже подготовленным к тому поприщу, которое он избрал, и потому мне легко было руководить его к приобретению дальнейших познаний ему нужных. Он прилежно занимался в и⟨мператорской⟩ П⟨убличной⟩ б⟨иблите⟩ке и в Р⟨умянцевском⟩ муз⟨ее⟩ по моему указанию чтением древнейших слов⟨янских⟩ рукописей и выписками из оных, и надеюсь, что в сии девять месяцев он немало приумножил свой запас славянского языкознания, который ему теперь остается дополнить предстоящим ему путешествием. После оногo г. П⟨рейс⟩ без сомнения (будет) способнее всех занять кафедру истории и литературы сл⟨авянских⟩ наречий при СПб. университете⁵“.

Теперь предстояло составить программу путешествия. План О. М. Бодянского, отправившегося в славянские земли в октябре 1837 года, отличался широтой, но не выделял главного предмета занятий. Поэтому, с одной стороны, было включено много побочных и второстепенных задач, а, с другой, явно ощущалось несоответствие между отведенным временем и запланированным объемом работы. Прейс, хотя и опирался на план Бодянского, сделал свой план более конкретным и целенаправленным. Он считал, что отправляющийся в славянские земли обязан иметь в виду исключительно изучение славянских языков и литератур. Поэтому нет необходимости посещать такие места, где славянское население исчезло и остались лишь одни исторические памятники. Прейс решил начать свое путешествие с Кенигсберга, затем посетить Данциг, Берлин, Силезию, Саксонию, Моравию, Чехию, Вену, южнославянские земли и Венецию. Такой план был полностью одобрен Востоковым.

29 сентября 1839 года Прейс покинул Петербург и направился в Кенигсберг. Здесь он остановился на более длительное время, чтобы заняться изучением литовского языка, „которого знание сделалось необходимостью для филолога славянского⁶“. Поскольку литовский язык долгое время считался смешанным, то Прейса заинтересовал вопрос, все ли явления в нем

⁴ ЛГИА, ф. 14, оп. 2, д. 163, лл. 8—9. См. также: „Живая старина“, 1890, вып. 2, 115—116.

⁵ Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского. — Сборник ОРЯС, т. V, вып. II, 1873, с. 466. Ср. также его письмо от 2 июня 1839 г. ректору университета И. П. Шульгину: „Милостивый государь Иван Петрович! На письмо Ваше от 31 мая сего года за № 250 имею честь ответить, что г. Прейс, занимающийся под моим руководством изучением древних памятников словенского языка, имеет к тому желаемые способности и отличное рвение, сколько я мог заметить, и по приобретенным им познаниям я считаю его достаточно подготовленным к выдержанию экзамена на ученую степень“. ЛГИА, ф. 14, оп. 2, д. 163, л. 14.

⁶ П р е й с, П. И. Донесение г. министру народного просвещения из Кенисберга от 1 марта (17 февраля) 1840 г. — ЖМНП, 1840, ч. XXVI, с. 17.

находятся в органической связи между собою или объясняются только с помощью других языков. Тщательное изучение показало, что литовский язык в грамматическом и лексическом отношении есть результат внутреннего развития. Об этом говорит тот факт, что все явления объясняются системой (организмом) самого языка. Однако Прейс различает в литовском языке два слоя: более древний и новый. В позднейших новообразованиях он отмечает поразительное сходство со славянскими языками. Прейс отказывается объяснить причины такого сходства, т. е. кроются ли они в развитии самого языка или во внешнем влиянии. Тем не менее, исследователь стремится показать отношения литовского и славянских языков, отмечает звуковые соответствия, сходство в склонении существительных, приводит многочисленные примеры русских заимствований.

В январе 1840 г. Прейс из Кенигсберга направился в Данциг, чтобы проверить сообщение польского филолога Мронговиуса о том, что язык кашубов во многом сходен с языком русским. Чтобы выяснить этот вопрос, Прейс отмечает фонетические, грамматические и лексические особенности кашубского языка, сравнивает их с данными польского и отчасти других славянских языков. В результате он приходит к следующему заключению: „Как лексикограф, г. Мронговиус более обращал внимания на слова: действительно, многих слов, существующих еще в кашубском, нет в языке польском; другие являются в формах, не свойственных сему последнему. Эта сторона вопроса получила перевес в мнении г. Мронговиуса; он слишком большое значение некоторым несущественным отступлениям от польского. Главное: им совершенно были упущены из виду те признаки, которые отличают наречия восточные от западных. Рассматриваемый с этой точки зрения, язык кашубов ни малейшего не представляет сходства с русским; весь его состав не позволяет сомневаться, что это отрасль диалекта лехитов“⁷.

В начале апреля 1840 г. Прейс приехал в Берлин. Здесь главным предметом его занятий стало сравнительное языкознание. Особенно большое значение имели беседы с Ф. Боппом. В „Донесении“ Прейс писал: „Профессор Бопп в круг своих сравнительных изучений включил и церковно-славянский диалект, и предložил совершенно новый взгляд на характер грамматических форм славянских языков. Очень естественно, что некоторые стороны этого предмета не могли быть им исследованы с надлежащею точностию. Профессор Бопп преимущественно руководствовался Грамматикою Добровского; она служила ему главнейшим источником. Ему совершенно были неизвестны открытия, которыми славянская филология обязана А. Х. Востокову. Я почел приятною обязанностию познакомить его с результатами изысканий русского ученого. Они или оправдывали предположения профессора Боппа, или вели к новым соображениям. Профессор Бопп сожалеет, что не мог вовремя воспользоваться трудами А. Х. Востокова, и обещал однако ж впоследствии сделать из них употребление. Другой недостаток труда профессора Боппа, недостаток неизбежный, заключается в том, что при исследованиях своих он не имел в распоряжении тех важных пособий, которые доставляет сравнительное изучение славянских наречий. Я осмелился предложить ему несколько письменных замечаний относительно этого предмета. Г. Бопп принял их с лестным для меня отзывом“⁸.

⁷ Прейс, П. Донесение г. министру народного просвещения, из Берлина, от 20 июня 1840 года. — ЖМНП, 1840, ч. XXVIII, с. 2.

⁸ Прейс, П. Донесение г. министру народного просвещения, из Берлина, от 20 июня 1840 года, с. 23.

Судя по донесению из Праги, Прейс в это время серьезно интересовался проблемами русской мифологии, особенно вопросом о божествах, которые были предметом поклонения в Киеве во времена язычества (Хорс, Регл, Мокошь, Сим). Некоторые из этих исследований (прежде всего о Хорсе), включенных в донесение, в свое время считались образцовыми. Сам автор с удовлетворением отмечал: „Мои догадки не только объясняют место у Нестора, но вместе с тем озаряют неожиданным светом некоторые стороны истории арийских народов. При всем том я еще недоволен своими исследованиями. Предмет очень сложный и требует изысканий многосторонних, которыми я и занимаюсь неутомимо. Надеюсь этим оказать некоторую услугу русской истории, мифологии и славянской истории вообще“⁹. Проведя филологический анализ названий древних божеств, Прейс пришел к выводу, что они были заимствованы славянскими племенами, обитавшими на юге Руси, в весьма древнюю эпоху. Но от какого из арийских племен произошло это заимствование, пока сказать нельзя, так как при решении данного вопроса встречается много трудностей.

В августе 1840 г. Прейс прибыл в Прагу, где познакомился со многими видными славистами того времени — П. Шафариком, Ф. Палацким, Ф. Л. Челаковским, В. Ганкой. Особенно близко он сошелся с Шафариком, о котором был самого высокого мнения. „За исключением Юнгманна и Пресля, — писал он, — никто в Богемии с ним не выдержит сравнения как лицо нравственное“¹⁰. Они вместе прочитали „Славянские древности“, и молодой ученый почти на каждой странице делал замечания, поправки, дополнения. В октябре 1840 г. Шафарик писал М. П. Погодину: „Wir etymologisieren und philologieren mit Preis jeden Abend regelmässig“¹¹. Знания Прейса, его сильный аналитический ум произвели на Шафарика такое глубокое впечатление, что он нередко называл его „вторым Востоковым“¹².

Пребывание в Праге оказалось чрезвычайно полезным для занятий чешским и болгарским языком¹³. В письме М. С. Куторге от 29 сентября 1840 г. Прейс писал: „Теперь я занимаюсь богемским и составлением грамматики и лексикона болгарского диалекта на основании тех пособий, которые мне достал Шафарик. Этот труд необходимо обделать до поездки в Булгарию, куда ни Бодянский, ни Срезневский не дерзнули отправиться. Имея готовый, хотя и несовершенный материал, я без особенного труда могу на месте дополнять, поправлять и т. д. Предмет чрезвычайно любопытный!“¹⁴ Сохранившаяся рукопись Прейса „Bulgaria“¹⁵ (1840) показывает, что он внимательно изучал „Додатак“ Вука Караджича, сделал ряд выписок из перевода Евангелия на современный болгарский язык, переписал 27 болгарских народных песен и др. В этой же рукописи представлен разнообразный лексический материал. Еще А. Х. Востоковым, рассматривавшим бумаги покойного Прейса, были найдены среди них „1. словарь нынешнего болгарского языка в азбучном и отчасти в словопроизводном порядке, — в одном переплетенном томе. 2. Коробка с карточками того же бол-

⁹ Письма П. И. Прейса к М. С. Куторге. . . — „Живая старина“, 1891, вып. III, с. 5.

¹⁰ Там же, с. 10.

¹¹ Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861). II. Письма П. И. Шафарика с приложениями. — ЧОИДР, 1879, кн. 4, с. 279.

¹² Ср. „In ihm ist euch, unbemerkt und unbewußt von der Welt, ein zweiter Wostokow erwachsen. Macte virtute“. — Там же, с. 274.

¹³ См. М и н к о в а, Л. Петр Иванович Прейс — первый болгарист Петербургского университета. — Etudes historiques, t. VIII, S., 1978.

¹⁴ Письма П. И. Прейса к М. С. Куторге. . . — „Живая старина“, 1891, вып. III, с. 8.

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 106, оп. I, № 62.

гарского словаря¹⁶. Любопытны его „Заметки по грамматике новоболгарского языка“¹⁷ (1840), где представлены выписки из болгарских грамматик (прежде всего Неофита Рильского) с собственными примечаниями на основе примеров, взятых из новоболгарских книг. Некоторые рассуждения касаются вопросов взаимоотношения болгарского языка с другими балканскими языками.

Прейс внимательно следил за литературой, касающейся Болгарии, в частности, трудами Ю. И. Венелина. В архиве сохранился „Указатель имен собственных, находящихся в влахо-болгарских грамотах и в помяннике букарестской митрополии, изданных Ю. Венелиным“¹⁸ (1840). В незаконченной статье „Болгарские новости“ он пишет о своем желании сообщать русскому читателю о новых болгарских книгах, отмечает как отрадное явление сборник И. Богорова „Български народни песни и пословици“ (1842).

Болгарская проблематика занимает видное место и в „Составленном Прейсом списке задач и тем для предположенных, заготовлявшихся и отчасти вчерне подготовленных исследований и трудов“. В нем значатся: „з. Ц. С. хрестоматия. . . 13. Болгария. . . 23. Чисто болгарские рукописи. . . 30. Синоксари по русским, сербским и болгарским источникам. . . а 63. Составить болгарскую грамматику таким образом, чтоб она служила запросом, побуждением какому-нибудь болгарину представить правил своего языка добросовестно. . . 103. Составить словарь к Ексарху болгарскому (и комментарий). . . 111. При составлении ц. с. грамматики необходимо синоптически представлять особенности форм по рукописям болгарским, сербским, русским. . . 114. Слова ц. с. юридические по Гримму“¹⁹.

Будучи „археологом“ в науке, Прейс не чуждался общественной жизни, стремился понять характер славянского возрождения. В одной из его записных книжек имеется такая запись: „Цель деятельности славян не есть произвести что-либо новое, переворот. — Нет! Узнать себя, познакомиться других с собою, вытребовать уважение от них, удержать слабых от нерешительности и колебания, от потери отечества — словом — обеспечить свое существование“²⁰.

В начале марта 1841 г. Прейс был в Вене. Здесь он занимался в основном в библиотеках, изучая славянские рукописи. Им были исследованы Толковая псалтырь Афанасия; рукопись, заключающая в себе деяния апостольские и канонические послания; сборник статей духовного содержания и др. В. Копитар обратил внимание Прейса на одну ценную болгарскую рукопись (Поучения о втором пришествии, Жития святых Николая, Георгия и Пятки Трновской, Два слова Иоанна Златоуста). Наблюдения над церковнославянскими памятниками, проведенные в Дрездене, Праге и Вене, позволили Прейсу сделать ряд важных выводов относительно особенностей новоболгарского языка, а также подчеркнуть значение трудов Востокова для изучения языка церковнославянского (термины „церковнославянский“ и „древнеболгарский“ он употребляет как синонимы).

В „Донесении“ из Загреба Прейс отмечает, что сложные судьбы, которые претерпел церковнославянский язык у разных славянских народов в течение нескольких веков, вызвали у ученых ряд вопросов и прежде всего

¹⁶ Письмо кн. Ширинского-Шихматова М. С. Куторге. — „Живая старина“, 1898, вып. III—IV, с. 333.

¹⁷ Архив АН СССР, ф. 106, оп. I, № 66.

¹⁸ Архив АН СССР, ф. 106, оп. I, № 67.

¹⁹ „Живая старина“, 1898, вып. III—IV, 335—340.

²⁰ Архив АН СССР, ф. 106, оп. I, № 264, л. 277.

вопрос о том, был ли язык церковных книг когда-нибудь в живом употреблении и где именно. Источники сведений о славянских первоучителях довольно скудны, неясны и допускают различные толкования. Недостаточно изучены и современные славянские языки, так как т. наз. филологические грамматики ограничивались речью только образцовых писателей, считая все остальное грубым, неправильным, испорченным чернью. Кроме того, многие ученые не всегда прибегали к рукописям — единственному источнику древнеславянского языка. Но даже там, где исследовались рукописи, не ставился вопрос о времени и месте их создания. Вследствие этого многие работы даже выдающихся ученых страдали антиисторическим подходом. Неустойчивое правописание, противоречивые грамматические особенности нередко приводили к мысли, что язык церковных книг был только языком письменным, что на нем нигде и никогда не говорили. До 1820 года никто не знал характерных особенностей церковнославянского языка, не имел ясного понятия об его отношении к нынешним языкам и диалектам.

При таком состоянии науки появляется „Рассуждение о славянском языке“ Востокова, которое Прейс очень высоко ценил. „Открытия, сделанные в 1820 году, составляют без сомнения эпоху в общеславянской филологии. — Эти открытия были неожиданны и для самого Добровского. Он узнал об них уже по отпечатании своих „Institutiones linguae slavicae“ и сожалел, что Грамматика его вышла в свет слишком рано“²¹. И далее: „В первый раз, в очерке кратком, но полном, по крайней мере для людей любознательных, явилось все органическое единство древнейшего письменного языка: все чуждое, все, что нарушало это единство, устранилось само собою. Оказалось, что этот язык составлен из одной массы, все приставки — „затеи“ ли людей книжных или приливы из родственных диалектов — означились так ясно, что и простому глазу нельзя было их не заметить. С открытием органического единства в древнейшем литературном языке открылась и отрадная перспектива на диалекты, коих письменность не восходит до столь отдаленной эпохи“²².

Переходя от одного народа к другому, церковнославянский язык принимал в свой состав многое из других славянских языков и в то же время оставлял в них глубокие следы. Востоков определил особенности языка древнейших памятников и показал его судьбы в России. Добровский и Шафарик подробно исследовали особенности сербского языка, вошедшие в тексты священного писания и другие памятники. Слабее были изучены болгарские кодексы, которые часто смешивались с сербскими. Поэтому неясным оставался вопрос, в каком отношении находится язык позднейших болгарских рукописей к языку церковнославянскому в его древнейшем составе. По наблюдениям Прейса, изменения церковнославянского языка в болгарских рукописях носят иной характер, чем в памятниках русских и сербских. „Тот и другой, русский и сербин, или списывали механически, или прислушивались к своему народному диалекту. Нередко, однако, они соединяли в одном слове свой выговор с церк.-слав. правописанием. Другое представляется в рукописях чисто болгарских: здесь произвол заключен в теснейшие пределы; язык ровнее, однообразнее, правописание последовательнее“²³. Далее Прейс отмечает особенности болгарских памятников XIII—XVII вв., которыми они отличаются от памятников древнейшей эпохи, в падежных

²¹ Прейс, П. Донесение г. министру народного просвещения из Загреба от 10 ноября 1841 г. — ЖМНП, ч. XXXIII, с. 50.

²² Там же, с. 51.

²³ Там же, с. 54.

формах существительных, прилагательных, местоимений, в личных формах глагола и тем самым стремится показать историческое развитие болгарского языка.

Таким образом, продолжая традиции виднейших славистов (Добровского, Востокова, Шафарика), Прейс одним из первых пытается выяснить судьбы церковнославянского языка в Болгарии, намечая тем самым тематику будущих исследований П. С. Билярского²⁴.

В конце марта 1841 года Прейс выехал из Вены и направился в Штирию и Крайну. Затем он вместе со Срезневским путешествовал по Истрии, Далмации, Черногории, Хорватии, островам Адриатического моря. Прейс постоянно испытывал огромное желание посетить Болгарию, послушать живую болгарскую речь. 29 марта он пишет Куторге: „Отсюда (из Сербии. — С. С.) я намерен отправиться в Болгарию до Афонской горы. Мои здешние болгарские знакомцы уверяют меня, что путешествие по этой, для меня обетованной, стране, не сопряжено с опасностями. — Дай-то бог!“²⁵ В письме от 1 октября он снова возвращается к этой мысли: „Все-таки г л а в н о е остается Б о л г а р и я. Но как туда попасть? Тебе известна новейшая Tagesgeschichte. Когда мы хотели было пробраться из Черной горы в Герцеговину и Боснию, и просили совета у владыки черногорского, то сей о т в е т с т в о в а л: без двух голов в запасе на это нельзя отважиться. Можешь себе представить, что авторитет черногорского владыки важен. . . Если в Сербии мне отсоветуют ехать в Болгарию и если мне не удастся отыскать надежного спутника из простых сербов (мысль Вука Стефановича), то — естественно — придется ограничиться возможным: на границе Сербии и Болгарии делать наблюдения среди тех болгар, которые перебежали из Турции. Перспектива неутешительная! . . . Итак до Белграда я ничего не могу сказать положительного насчет Болгарии; но знай одно: уверюсь я, что до Афонской горы доберусь с головою на плечах, то часть осени и зимы проведу там. Я бы был счастлив, если бы мог проверить мой Болгарский сборник: два квартанта! Венские болгаре-купцы уверяли меня, что из Виддина в 10 дней можно попасть на Афонскую гору и притом безопасно. Но это еще было до восстания болгар. Что теперь там делается?“²⁶.

Путешествие по Болгарии Прейс хотел совершить вместе со Срезневским. 29 сентября 1841 г. он писал своему другу: „Если богам угодно, побываем вместе в Болгарии“²⁷. Октябрь 1841 г.: „Через две недели я надеюсь кончить все в Загребе и поспешу в Сербию и вероятно безостановочно. О если бы мне можно было Вас поймать там, и хоть на минуту заглянуть в Болгарию“²⁸. Однако эта страстная мечта не осуществилась.

²⁴ См. Б и л я р с к и й, П. С. Судьбы церковного языка. Историко-филологические исследования, I—II, СПб., 1847—1848; изд. 2, СПб., 1858. В предисловии „Памяти П. И. Прейса“ автор писал: „В то время, когда я начал приготовительные филологические занятия, покойный Прейс с каким-то импонирующим достоинством выступал на самостоятельную ученую деятельность. Надежда — снискать когда-нибудь его одобрение и сочувствие — была для меня источником одушевления и подкреплением к избранному мною, вдвойне для меня трудному роду занятий. Тяжелое чувство невозградимой утраты покойного было еще во всей своей свежести, когда я обрабатывал настоящее рассуждение, и действовал во мне тем живее, что, обращаясь при этом к немногим его сочинениям, я находил в них яркие следы его особенного участия к обрабатываемому мною предмету. Через 10 лет я повторяю посвящение с тем же чувством вознагражденности утраты, да — вдобавок — с сознанием тех последствий для филологии, которые тогда я предчувствовал“.

²⁵ Письма П. И. Прейса к М. С. Куторге. . . — „Живая старина“, 1891, вып. III, с. 27.

²⁶ Там же, 42—43.

²⁷ Там же, с. 38.

²⁸ Там же, с. 40.

Прейс должен был вернуться в Петербург 29 марта 1842 г., но из-за болезни задержался на семь месяцев. В донесении от 29 октября 1842 г. он писал: „Честь имею донести Совету университета об обстоятельствах, бывших причиною столь долгого пребывания моего в Венгрии. В донесении от 14-го (н. с.) апреля сего года я уведомлял Совет университета о болезни (rheumatisch—gichtfischer Tieber), постигшей меня на пути из Песта в Шемниц. За нею последовала другая — продолжительная трехдневная лихорадка. Вслед за тем на теле выступила сыпь и потребовала новой помощи врача. Он предписал мне — вместе с наружными средствами — употребление минеральных вод в Склене, недалеко от Шемница. — Воды сии имели отчасти желаемое действие. Новый пароксизм лихорадки принудил меня оставить Склени и возвратиться в Шемниц, где, по миновании лихорадки, получил я от доктора совет посетить лежавшие мне по пути воды в Слпаче. — Употребление сих вод — вопреки уверениям доктора — не только не принесло обещанной пользы, но еще усилило как сыпь, так и лом в костях, на который со стороны врача до того не было обращено должного внимания, несмотря на постоянные мои жалобы. Прибыв в Быстрицу, я немедленно обратился к тамошнему врачу с просьбою совета. По мнению его, пользование доктора в Шемнице было превратное и, для предупреждения весьма опасных последствий, он полагал необходимым без отлагательства приступить к новому лечению, которое и восстановило вполне мое здоровье, так что я надеюсь беспрепятственно совершить путь от Кракова до С.-Петербурга“²⁹.

Из Кракова Прейс пишет последнее донесение министру народного просвещения, которое вошло в историю лингвистики под названием „О глагольской письменности“.

Вопрос о происхождении славянского письма — кириллицы и глаголицы и их взаимоотношениях — уже давно волновал многих ученых. Еще в начале XIX века Добровский высказал мнение, что глаголица была создана не ранее XIII в. в Далмации для поддержания славянской литургии. Это мнение просуществовало до 30-х гг. XIX в., когда Востоков в кирилловских рукописях XI в. обнаружил глаголические буквы. Тогда же был открыт новый глаголический памятник — Сборник Клоца (издан Копитаром в 1836 г.). Древность этого памятника, а также наличие глаголических букв в древнейших кирилловских рукописях заставили Копитара пересмотреть точку зрения Добровского. Он пришел к выводу, что обе азбуки были у славян уже в древности в одинаковом употреблении. Однако глаголица древнее, она была создана самими славянами, в то время как кириллица заимствована от греков.

В этот спор двух крупнейших ученых затем были вовлечены и русские исследователи. Одним из первых выступил Прейс. По его мнению, доказательства Копитара не устраняют всех трудностей. Глаголица могла быть известна в Болгарии, но мало вероятно, чтобы она была там общеупотребительна. Зачем в таком случае нужно было Кириллу изобретать новый алфавит, который мог стать только препятствием в их начинании. Отдельные же глаголические буквы в кирилловских памятниках объясняются прихотью писцов. Под чертами и резами, о которых говорит Храбр, нельзя понимать глаголические буквы, так как они больше походят на живопись, чем простое начертание. Копитар также бездоказательно считает, что глаголица — славянский алфавит, а кириллица — греко-славянский. Судя

²⁹ ЛГИА, ф. 14, оп. 2, д. 163, лл. 30—31.

по целому ряду знаков, они в равной степени оба греческие. При этом кириллица была образцом глаголицы. В самой Далмации до XIII века не упоминается ни слова о глаголическом алфавите, в то время как употребление кириллицы не подлежит никакому сомнению.

На основе этих рассуждений Прейс считает более убедительной точку зрения Добровского. Его основные положения сводятся к следующему: „Современное употребление в Болгарии двух алфавитов, глагольского и кирилловского, подвержено сильному сомнению. Еще менее имеем причин думать, что первый древнее последнего.

До запрещения кирилло-славянской литургии в Далмации не было необходимости изобретать новый алфавит. Эта необходимость могла родиться около 925 года.

По всем приметам видно, что родина глагольских письмен есть приморская Кроацция и что по всей справедливости им принадлежит название хорватского письма.

Греко-славянский алфавит св. Кирилла служил образцом для составителя глагольских письмен. Этого еще не опровергли защитники их древности. Они победят, если докажут, что древний состав глагольского алфавита совершенно преобразовался со времени появления кирилловского алфавита так, что ныне только в немногих буквах сохранилась память древнего глагольского первообраза³⁰. Но в науке большее признание получила точка зрения Шафарика, а именно: „Во-первых: славяне до Кирилла и Мефодия не имели никаких собственных букв для писания книг. . . ; во-вторых, Константин изобрел азбуку совершенно новую, то есть состоявшую из новых начертаний, которые не были ни греческие, ни еврейские, ни латинские; в-третьих, если же Константин изобрел азбуку с новыми буквами, следовательно, глаголическую, то, так называемая, кирилловская, наиболее с греческими начертаниями, должна получить свое начало от Климента³¹.

16 ноября 1842 года Прейс прибыл в Петербург. Самочувствие было неважным. В Варшаве у него появился сильный кашель. К нему присоединилась боль в горле и вследствие этого потеря голоса. Прейс очень исхудал и не мог сразу приступить к занятиям. Его вступительная лекция состоялась только в марте 1843 г. Она была посвящена истории возникновения и задачам славяноведения.

Прейс говорил, что изучение наиболее древних письменных памятников греков, евреев и римлян все настоятельнее ставило вопрос о необходимости сравнительного познания. Следствием этого было появление науки о древностях отдельных народов, исторической грамматики и истории национальных литератур. Историко-филологические исследования, расширяясь в объеме, в XVIII веке консулись и славян. Ученые, обратившись к средневековым памятникам, стали отыскивать следы германского и византийского влияния на славянские народы. Возник вопрос, что славянами приобретено у других и что принадлежит только им. Это вело к изучению самих славян. Таким было начало славянской филологии на Западе.

Но изучением истории славян, их языков и диалектов, права, народной поэзии должны были заняться сами славяне и тем самым раздвинуть границы новой науки. Первым это сделал Добровский. Исследуя чешский язык и литературу, Добровский способствовал развитию народного самосозна-

³⁰ Прейс, П. О глагольской письменности. — ЖМНП, 1843, ч. XXXVII, с. 203.

³¹ Шафарик, П. И. О происхождении и родине глаголитизма. — ЧОИДР, 1860, кн. IV, с. 4.

ния. Указывая на родство чехов с другими славянскими народами, он открывал перед ними новый мир.

Добровский изучал языки и литературы сами по себе, писал на немецком и латинском языках. Его патриотически настроенные последователи, стремясь поднять чешский язык на уровень, соответствующий духовным потребностям того времени, стали писать по-чешски. Это были Юнгманн, Ганка, Челаковский, Палацкий. „Усилиями писателей чешских, словацких одушевление к славянскому делу достигло высшей степени своего развития. Период опасный! Восторженность мало-помалу могла смениться равнодушием, даже холодностью, как часто случается. Потребовали существенного дела — и могучий делатель окликнулся на зов. Ответом Шафарика была прежде всего: „История литературы славян“; за нею последовала Древнейшая история славян и Славянская этнография. Вся литературная деятельность Шафарика обращена к тому, чтобы привести в порядок, в систему разбросанный материал, составить обзор прошедшей и настоящей жизни славян. До Шафарика знание литературы, истории и древностей славянских было достоянием немногих ученых; его же труды делают этот предмет общеизвестным. Сверх того, исследования сего ученого, составляя богатый источник изучений, развивают в молодом поколении силы, указывают путь к движению вперед, к близкой уже цели“³².

Славянское возрождение раздвинуло границы славянской филологии. Она стала необходимой при изучении любого славянского языка и литературы. Наступившая новая эпоха потребовала и другого орудия, другой формы выражения — надо было создать новый язык. В России это требование было выполнено Ломоносовым и Карамзиным, в Сербии — Обрадовичем. В Чехии Добровский на основе памятников старины и живого употребления воспроизвел забытый чешский язык. „Итак, наступило время для славян, время богатое своею будущностию, своими последствиями. Отныне каждое племя славянское, начав изучение себя, своей старины и своего теперешнего быта, не останавливается в своем развитии, стремится все далее и далее; силы некогда в продолжение столетий бывшие без всякого употребления и упражнения, эти силы обращены теперь на делание благое, чистое, достойное человека. — Деятельность юго-западных славян не есть деятельность отдельная, разобщенная, без корня в жизни народа и без приложения к ней. Напротив того, литература постепенно становится выражением, отголоском общества; объем, значение ее растут. Литература мало-помалу силится придти в равновесие с потребностями современной жизни, богатеет более и более средствами удовлетворять этим потребностям“³³. Следовательно, в своей лекции Прейс дал правильную оценку деятельности будителей и характера славянского возрождения, хотя и не указал на его социально-экономические корни.

Свои чтения в университете Прейс разделил на три отдела: 1) Введение: древнейшее расселение славян в Европе, отношения с соседями, образование славянских государств, принятие христианства; 2) Историческое рассмотрение славянских народов в отношении к судьбам политическим, языку и литературе; 3) Сравнительная грамматика славянских языков и отношение русского языка к другим славянским языкам.

Образ Прайса тех лет, как человека и преподавателя, наиболее ярко представлен безымянным автором, опубликовавшим свои воспоминания в журнале „Иллюстрация“. Он пишет: „Петр Иванович не отличался ничем

³² „Живая старина“, 1898, вып. III—IV, с. 379.

³³ Там же, с. 382.

особенным в наружном виде; он был небольшого роста, имел довольно длинный греческий, правильный нос; большие серые его глаза свидетельствовали о жизненной энергии в его болезненном теле. . . Лекции Прейса были любопытны только для желающих заниматься его предметом, они были не многоречивы. П. И. старался кратко передавать свое знание, особенно останавливаясь на критике предлагаемых мнений и на объяснении языка русского. История народов болгарского, чешского, польского была им передана и в сжатости с достаточной отчетливостью; в объяснениях Краледворской рукописи он изложил правила языков польского и чешского; сербский был изучаем в песнях, изданных Вуком Стефановичем Караджичем; особенное внимание было обращено им на язык церковнославянский. Прейс любил говорить о нем и при этом выражал всегда глубокое уважение к трудам академика Востокова, сожалея, что его небольшие сочинения не были замечены славянофилами. Петр Иванович умел увлекать слушавших его интересом предлагаемых к разрешению вопросов и самым способом разрешения их. . . Обширные сведения Петра Ивановича не лишали его милой ласковости и общительности. Он любил, когда посещали его молодые люди из университета; он дружески давал им драгоценные советы, снабжал книгами из своей богатой библиотеки и охотно делил с ними вечера³⁴.

Прейса мучила мысль о дальнейшей судьбе. Звание преподавателя и сравнительно приличный оклад несколько его успокоили. Но вопрос о приобретении ученой степени оставался открытым. Новые предметы при недостатке пособий требовали для подготовки много времени. В 1844 г. царь по ходатайству министра народного просвещения, учитывая особые обстоятельства Прейса, разрешил ему подвергнуться испытанию прямо на степень магистра. Это его воодушевило и принесло новые заботы. Предметом диссертации он избрал богумильскую ересь и работал над ней весь 1845 г. Работа увлекла его и отняла много сил. Не успев до конца довести труд, он снова тяжело заболел. Но лежа в постели, Прейс продолжал работать. Несколько толстых тетрадей было им переписано набело, прежде чем он совершенно лишился сил. В апреле 1846 г. Прейс писал своему другу: „Мое здоровье и выздоровление зависит от погоды. В эти два дня я выходил, но ветер довольно холодный, очень чувствителен, несмотря на то, что я выхожу вооруженный шубою и проч. С желудком я все еще в разладе: лекарства и прогулки, надеюсь, помирят меня с ним. Тиранка моя в продолжение шести месяцев — дрожь, более недели уже не является. Опухоль с ног спала так, что я не нуждаюсь более в великанских сапогах, в которых до сих пор должен был выходить“³⁵. 11 мая 1846 года Прейса не стало.

Срезневский свою первую лекцию в Петербургском университете начал следующими словами: „Всходя на эту кафедру, я не могу не вспомнить прежде всего о том, кто еще так недавно был ее украшением и так рано, так незаменимо утрачен для науки и литературы. Я знал Прейса как товарища в путешествии, как друга-советника в занятиях, привык дорожить его умом и ученостью, привык чтить его как умнейшего и образованнейшего из славянских филологов нового поколения, — и чем живее представляю себе его утрату, тем более чувствую трудность быть преемником вполне его достойным. Не одной любовью и усердием к труду выражал он свою силу: в высокой степени обладал он и строгою последовательностью в занятиях и отчетливой методой в исполнении задуманных работ, и ревностью характера, придающей силы всякой деятельности, и сосредоточенной ученостью,

³⁴ №, П. И. Прейс и В. С. Порошин. — „Иллюстрация“, 1848, № 3, с. 42.

³⁵ Письма П. И. Прейса к М. С. Куторге. . . — „Живая старина“, 1891, вып. IV, с. 31.

всеобозревающей в правильной перспективе, и преданностью к своей науке, сильной как самоотвержение, теплой как вера, самобытной как воля пустынного. Он был лучшею из надежд возникающей науки о славянстве, образцом для молодых филологов славянских, образцом, которому столь же легко удивляться, сколько трудно быть равным. Перед этой силой можно невольно, не унижая себя, сознавать свою слабость³⁶.

СОКРАЩЕНИЯ

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения

ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив

Сборник ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете

³⁶ Архив АН СССР, ф. 216, оп. I, ед. хр. 729, л. 10.